

Главному редактору журнала "Нью-Йоркер"*

Мне бы хотелось высказать свое мнение о статье Лоуренса Вешлера о Яне Каване, опубликованной в "Нью-Йоркере" 19 октября 1992 г., а также уточнить некоторые из упоминаемых там событий. Как журнал, так и сам автор статьи заслуживают всяческих похвал за то, что они не пожалели для этого материала ни места, ни времени, ни усилий — ведь обсуждаемая Вешлером ситуация очень не проста и не может быть адекватно понята без детального знания всех относящихся к ней фактов. Статья написана с чисто литературной, почти что кафкианской изысканностью, однако несмотря на это она отличается исключительной точностью почти во всех деталях. Во всяком случае, одна из убежденных сторонниц нашего Закона о люстрации, ознакомившись с этим эссе, сказала мне, что она пересматривает свои прежние взгляды на эту проблему. Я хотела бы, чтобы как можно больше людей извлекли из этой публикации те же уроки; однако, не могу не отметить, что по крайней мере в одном важном вопросе ее автору изменяет его всегдашняя объективность, и он начинает принимать на веру кое-какие неточные сведения, пусть и сообщенные ему многими из его пражских собеседников. Поскольку в своих выводах он использовал мое имя, я считаю себя обязанной как можно более однозначно выразить свое собственное мнение.

В центре моих разногласий с Лоуренсом Вешлером лежит личность Вацлава Клауса, творца нашей экономической реформы, сперва министра финансов Чешской Республики, а затем главы ее правительства. Вешлер утверждает, что до ноября 1989 г. Клаус ни в малейшей степени не проявлял нелояльности по отношению к ком-

*Это письмо редактору "Нью-Йоркера" было одновременно передано "Проблемам Восточной Европы".

мунистическому режиму. Но это попросту неверно. Во-первых, все знали, что Клаус был решительным сторонником экономики свободного рынка и потому стоял у правой черты политического спектра. Когда в 1970 г. власти решили "очистить" Институт экономики Академии наук от так называемых "правых элементов" (к этой категории в то время относили людей, исключенных или иным способом изгнанных из компартии), вынужден был уйти и Клаус — несмотря на то, что он вообще никогда не имел партийного билета. Другой причиной ухода Клауса было его сотрудничество в "Тваржи", литературном журнале, во время Пражской весны 1968 г. открыто выступавшем против марксизма и социализма (к числу его активных авторов принадлежал и Вацлав Гавел).

В середине 80-х годов Клаус почти два года руководил постоянно действующим семинаром по экономике, организованным им при Государственном Банке ("крышей" для этого семинара послужило Научно-Техническое Общество, вполне легальная организация, имевшая множество отделений). На занятия приходили самые разные люди — сотрудники академических институтов и вузов, государственные служащие, работники промышленности и торговли, бывшие научные работники, потерявшие, подобно мне, свои места. Эти семинары служили местом серьезного и открытого обсуждения экономических проблем — до тех пор, пока и семинары, и лично Клаус не подверглись нападкам главной партийной газеты "Руде Право", что привело к их немедленному закрытию. Последующая работа Клауса и его коллег в Институте прогнозирования тоже отнюдь не была той "синекурой", которой ее представляет Вешлер — они приложили много усилий, обдумывая способы преобразования экономики, когда для этого представится возможность. Не приходится отрицать, что в то время никто не мог предвидеть столь быстрого падения коммунистической системы, однако сама идея реформ (по крайней мере, в виде перестройки) уже была на повестке дня. Самое важное в том, что Клаус систематически (иначе говоря, неоднократно) писал для сам-

издатского журнала "Лидове Новины" в течение всех двух лет его существования. Я была одним из редакторов его экономического раздела, так что мне это известно из первых рук. Свои работы Клаус подписывал инициалами М.Ф. — такими же, как у Милтона Фридмана. Для нас писали и другие авторы, позднее ставшие политиками "правого крыла", например, Томаш Ежек, занимавший потом пост министра приватизации, и Йозеф Зеленец, нынешний чешский министр иностранных дел. Конечно, в то время авторство всех этих людей было тщательно оберегаемым секретом — если бы оно выплыло на поверхность, они сразу же лишились бы работы ("признанным" диссидентам этого бояться не приходилось, поскольку они уже давным-давно потеряли свои места и теперь либо зарабатывали на жизнь физическим трудом [таких было большинство], либо переходили на пенсии, либо получали незначительные гранты из-за рубежа для написания своих работ).

Оценка "серой зоны", которая дана в статье Вешлера, страдает неточностью, и Иржина Шиклова, на чьи слова он ссылается, согласилась бы с этим первой. Экономисты, врачи и другие люди политически нейтральных профессий, работа которых была необходима для нормального функционирования общества и которые могли выполнять свои обязанности независимо от того, кто находился у власти, имели возможность трудиться без всякого ущерба для репутации. Этим они отличались от журналистов, писателей, историков, то есть людей, непосредственно занимавшихся проблемами общества. Стране было нужно не превращение их в диссидентов, а честное и квалифицированное выполнение ими своих обязанностей. Один из ужасов эпохи тоталитарного режима в том и состоял, что карьеры часто строились не на профессиональной компетентности, а на так называемой общественной активности, отчего страдало общество в целом (пациенты, потребители и т.д.). Это означало, что человек, стремившийся двигаться вверх посредством упорной и профессиональной работы, в известном смысле, подрывал устои режима. Но их молчаливая сделка с

властями состояла в том, что некоторые из них иногда вынуждены были вступать в партию или, по крайней мере, они воздерживались от открытых возражений по поводу политических действий и высказываний, вызывавших их полное несогласие. С их стороны это не было легким решением — ведь в определенном смысле эти люди укрепляли не только страну, но также коммунистический режим. Именно это имел в виду Гавел, говоря о нашей общей вине.

Как мне кажется, это относится и к тем диссидентам, которые не были в заключении (а в тюрьмы попадали лишь очень немногие) и не занимались самым неквалифицированным трудом. Я не делаю здесь исключения и для себя. Я тогда переводила технические инструкции, то есть каким-то, пусть незначительным образом, способствовала экспорту наших машин и тем самым стабильности нашего режима. Поэтому не следует винить тех обитателей "серой зоны", которые ненавидели систему, но не становились диссидентами, если они, по крайней мере, старались оставаться профессионалами. Именно этим профессионализмом они и отличались от того большинства, которое вполне принимало тоталитарные правила игры и эгоистично заботилось лишь о собственных интересах, нанося тем самым несомненный ущерб обществу. Я сейчас вспоминаю свои старые споры с молодыми экономистами, которые после Бархатной революции сделались видными журналистами или получили высокие посты в правительстве. Я тогда пыталась убедить их, что они должны прежде всего думать не об организации петиций или демонстраций (в результате чего они были бы изгнаны из своих институтов и пополнили ряды истопников и грузчиков), а об окончании своих диссертаций, ибо когда-нибудь наша страна будет действительно нуждаться в экономистах-профессионалах. В то время я не могла и предположить, что это "когда-нибудь" наступит через какие-то несколько месяцев.

Из тех же соображений я бы никогда не пригласила Клауса к себе смотреть видеофильмы в компании с моими друзьями-диссидентами, работающими кочегарами. Во-

первых, они просто не подходили друг к другу — не в силу политических убеждений (здесь не было бы особых оснований для споров), а из-за их склонностей и образа жизни. И я действительно желала, чтобы мои друзья, у которых была хорошая работа, соответствующая их профессиональной подготовке, сохранили ее и в дальнейшем — в собственных интересах, в интересах своих семей и, не буду скрывать, в интересах всего общества, жизнь которого шла своим чередом, независимо от того, кто — у власти, а кто — в тюрьме. А поскольку существовала какая-то опасность, что на мои видеосеансы нагрянет полиция, и у Клауса могут возникнуть неприятности из-за "сомнительных" знакомств, я приглашала их по отдельности, тем более, что моя гостинная была очень тесной. Однако хотя Вешлер и утверждает обратное, Клаус никогда не ставил никаких условий относительно посещения моего дома, эти решения всегда принимала я сама. Я очень ценила, что Клаусу, не в пример иным, никогда и в голову не приходило прервать нашу дружбу, несмотря на мои постоянные прямые контакты с диссидентами, и что он, несмотря на риск, всегда соглашался писать для "Лидовых Новин". Хотя Вацлав Клаус и остается моим хорошим другом, я не вступила в его партию отчасти потому, что почти три года я была послом в Соединенных Штатах, но в большей степени из-за того, что не разделяла и не разделяю политику его партии в отношении Закона о люстрации, столь точно описанную в вашей статье. Хотя сама идея устранения с высоких государственных должностей тех людей, на которых опирался прежний режим, и заслуживает одобрения, ее проведение в жизнь с помощью люстрационного закона обернулось полной неудачей и на практике принесло куда больше вреда, чем пользы. Но сам Клаус (кстати, не участвовавший в том заседании парламента, на котором был принят этот закон) озабочен лишь одним — проведением в жизнь экономической реформы. По моему мнению, на этом поприще он в качестве премьер-министра уже успел добиться очень многого. То, что об этом пишет Вешлер — неточно, да и

просто не по делу. Не следует смешивать риторику с реальными действиями. На словах Клаус действительно призывает к полной рыночной свободе. Это и неудивительно: ведь наша экономика отягощена непомерным государственным сектором, который сейчас только начинают приватизировать, а нашему народу сорок лет вбивали в голову, что одно лишь государство способно управлять народным хозяйством. Однако реформа развивается своим чередом и приносит хорошие плоды: безработица (по крайней мере, в Чехии) почти незаметна, инфляция минимальна.

Сегодня наша страна вступила в полосу сильнейшего кризиса, который, на первый взгляд, никак не связан с политикой экономических реформ и создания демократических институтов (или слабостями этой политики, проявившимися в осуществлении Закона о люстрации). Этот кризис был порожден непростой задачей разделения единого государства на две части ради удовлетворения национальных притязаний словаков. Для Чешской республики самое важное — сохранить курс на возвращение в Европу. Клаус для этого делает все, что только в человеческих силах, и добивается куда больше своего предшественника, который, несмотря на идеальное диссидентское прошлое, работал неэффективно и не был переизбран.

Как удачно отмечено в вашей статье совсем по другому поводу, напечатанное за рубежом, особенно в Соединенных Штатах, начинает жить собственной жизнью у меня на родине. Именно по этой причине я и написала вам столь длинное письмо с объяснением сути дела. Я понимаю, что предметом статьи были прежде всего дело Кавана и закон о люстрации. По обоим этим вопросам у меня нет никаких расхождений с "Нью-Йоркером", однако и здесь, как во всем, относящемся к Чехо-Словакии, реальная ситуация не столь проста и однозначна. Вину за неудачный Закон о люстрации нельзя взваливать только на Клауса. Скорее всего не виноват никто по отдельности. Виновник, если он вообще существует, — наш демократически избранный парламент, принявший этот закон большинством в один голос.